

СЕРГЕЙ
ШАРГУНОВ

СЕРГЕЙ
ШАРГУНОВ

КНИГА
БЕЗ РОМАН
ФОТОГРАФИЙ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник *Елизавета Корсакова*

Фото автора на переплете *Молли Таллант*

Шаргунов, Сергей Александрович.

Ш25 Книга без фотографий : роман / Сергей Шаргунов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 252, [4] с. — (Проза Сергея Шаргунова).

ISBN 978-5-17-155705-8

«Книгу без фотографий» известный прозаик, главный редактор журнала «Юность» Сергей Шаргунов написал в тридцать лет. «Ранний мемуар. Жизнь сына священника, родившегося на советском закате, подростка и юноши девяностых и нулевых, совсем нетипичная, а в чем-то неотделимая от происходившего тогда, от страстей, надежд и заблуждений времени».

Роман выдержал несколько переизданий, вышел на английском, французском и сербском языках.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155705-8

© Шаргунов С.А.
© ООО «Издательство АСТ».

ОТ РАССКАЗЧИКА

Эта книга написана в 2010-м, тридцатилетним. Путешествие по призрачным отражениям.. Ранний мемуар.

Зачем? Разобраться в себе, понять время, угадать будущее.

Жизнь сына священника, родившегося на советском закате, подростка и юноши девяностых и нулевых, совсем нетипичная, а в чем-то неотделимая от происходившего тогда, от страстей, надежд и заблуждений времени.

Опустошенный альбом. Кошка, прыгнув на бумажный снимок, выбила лапой половину класса, рыжебородый автоматчик в чеченских предгорьях забрал флешку из фотоаппарата, кто-то свистнул мобильник в придорожном северном кабаке, но всё как будто бы осталось в памяти.

Как будто бы.

Память сродни литературе — неверная капризная рассказчица, искажающая реальность.

Книга без фотографий

С тех пор прошла целая жизнь, и всё же ничего не хочется исправлять и дописывать — еже писах, писах — хотя случилось ещё немало крутых поворотов.

Это книга предчувствий, счастливых и трагических, сбывшихся и сбывающихся, по которой, наверное, можно гадать о судьбе: своей и не только.

Книга живет дальше, за пределами корешка, и, с тревогой вглядываясь в будущее, остается верить в литературу, а значит, и в то, что впереди — письменное продолжение.

С.Ш.

КНИГА
БЕЗ
ФОТОГРАФИЙ

ТАЙНЫЙ АЛЬБОМ

Фотографии не оставляют человека. Всю жизнь и после смерти. Кладбище — фотоальбом. Множество лиц, как правило, торжественных и приветливых. Едва ли в момент, когда срабатывала вспышка, люди думали о том, куда пойдут их снимки. А эти улыбки! Фамилия, годы жизни и спокойное, верящее в бессмертие лицо. Вокруг жужжание мух, растения, другие лица, тоже не знающие, что они — маски, за которыми бесчинствует распад.

Как-то, идя широким московским кладбищем, я встретил соседа по лестничной площадке. Почувствовав на себе взгляд, повернул голову влево и столкнулся глаза в глаза с Иваном Фроловичем Соковым из 110-й квартиры. Праздничный, в генеральской форме. Фотография красовалась на черном, отполированном мраморе: солнце отражалось, слепя. «Вот мы и встретились опять, — подумал я. — Случайная встреча — всё равно что в толпе, где-нибудь в метро...»

Но и до рождения нас фотографируют.

Вспоминаю: Аня пришла от врачей с большим пластиковым листом, на котором замерли диковинные светотени.

— Это он! — воскликнула она.

Это был наш сын, внутриутробный плод, будущий Ванечка.

Жизнь моя начиналась, когда фотография ценилась высоко. Отдельные чародеи-любители в комнатах без света проявляли пленку, что вызывало у детей зависть и благоговение. Первые лет семь жизни я снят только черно-белым. Потом шли уже цветные фото, хотя и бумажные. После двадцати пяти — почти все электронные, в изрядном количестве.

Я верю в тайну фотографии, еще не разгаданную.

Космические снимки позволяют видеть внутренние слои земли. По фотографии человека можно определить его недуг. Над фотографиями колдуют: привораживают и наводят порчу. Едва ли с частым успехом, но есть злая забава, укорененная в народе: поганить вражью фотку. Теперь, вероятно, это колдовство облегчают возможности фотошопа.

Одна тетка, в сельмаге торгующая, простодушно поделилась:

Тайный альбом

— У меня моих карточек целая куча. В ночь на воскресенье сяду у плиты, разглаживаю их, все глажу и глажу, и в огонь бросаю. А чтоб молодеть! Чтоб морщинки мои уходили... — Она кокетливо засмеялась.

Фотографий нынче лавина, как и видеороликов, мир ими заполнен, мир помешан на съемке. Но тревожиться о снимках старомодно. Они слишком легко возникают и утратили цену. Пожалуй, фотографии остались в двадцатом веке, и все больше становятся мусором...

Фотографий у меня мало. Не собираю и не храню. А это и неважно. То и дело я возвращаюсь к событиям и людям, фотографически отпечатавшимся в мозгу. И книга эта, наверное, еще продолжится.

Иногда мне кажется, что все мои фотографии, утраченные, отсутствующие и несбывшиеся, где-то хранятся. Когда-нибудь их предъявят.

Может быть, когда выхода уже не будет (на ближайшей войне или в старческой постели), я увижу этот альбом своей жизни, торопливо и безжалостно пролистываемый.

И вот тогда пойму какую-то главную тайну, изумленно ахну и облегченно ослепну в смерть.

МОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО

Осень 93-го. Я убежал из дома на баррикады. Здесь — бедняки и не только, и единственный лозунг, который подхватывают все с готовностью: «Советский Союз!»

Я стою на площади у большого белого здания, словно бы слепленного из пара и дыма, и вокруг — в мороси и дыму — переминается Русь Уходящая. Любовь и боль доверчивых лиц, резкие взмахи рук, размытые плакатики. Горячий свет поражения исходит от красных флагов.

— Сааавейский Сааюз!.. — катится крик, волна за волной.

— Сааавейский Сааюз!.. — отчаянно и яро хрипит, поет, стенает и стонет вся площадь.

Рядом со мной старушка. Ветхая и зябкая, она не скандирует, а протяжно скулит имя своей Родины...

С далекого балкона нам обещают скорый приход сюда — в туман и дым — верных присяге воинских частей...

В детстве я не любил Советский Союз, не мог любить, так был воспитан.

Но в тринадцать лет, когда Союз уже погиб, я, следуя порыву, прибежал на площадь отверженных, которые, крича что есть силы, вызывали дух его...

...Читать я научился раньше, чем писать. Брал душистые книги с ткаными обложками без заглавий, в домашних, доморощенных переплетах. Открывал, видел загадочно-мутные черно-белые картинки, перерисовывал буквы. Бывало, буква изгибалась, как огонек свечи: плохой ксерокс. Книги влекли своей запретностью. Жития святых, убитых большевиками, собранные в Америке монахиней Таисией. Так постепенно я стал читать.

Мне было четыре года, мама позвала ужинать. Папа с нашим гостем, рыжебородым дядей Сашей, шли на кухню по узкому коридору, я следом.

— Нужно будет забрать книги... — бубнил гость, и вдруг они остановились как вкопанные, потому что отец резко схватил его за локоть.

— Книги? — спросил он каменным голосом. — Какие книги?

Секунда, обмен взглядами. Дядя Саша оторвался от пола и в легком прыжке пальцами коснулся низкого коридорного потолка. И выпалил:

— Детские! — с радостью и ужасом.

Затем, в странном, бесшумном танце приближаясь к кухне, они оба вытянули правые руки с указательными пальцами, возбужденно устремленными в угол подоконника, где скромно зеленел телефонный аппарат.

На пороге кухни я забежал, просочился вперед, рискуя быть растоптанным, и мне запомнились эти пальцы, пронзившие теплый сытный воздух.

Я помню сцену так, будто наблюдал ее минуту назад. Все разыгралось стремительно, но столь жарко, что я мгновенно загорелся карнавалом.

Бросившись к телефону, я сорвал трубку и, ликуя, закричал:

— Книги! Книги! Книги!

Мама уронила сковороду, папа выдрал штепсель из розетки и отвесил обжигающий шлепок, а гость, схватив меня, заплакавшего, за локоток хищным движением, наставил светлые сухие глазницы и зашелестел с присвистом из рыжей бороды:

— Ты хочешь, чтобы папу посадили? У тебя не будет папы...

Спустя какие-то годы я узнал, что отец, будучи священником, владел подпольным маленьким типографским станком, спрятанным в избе под Рязанью. Там несколько посвященных, включая гостя,

печатали книги: молитвенники и жития святых (в основном — новомучеников, включая последнюю царскую семью) по образцам, присланным из города Джорданвилля, штат Нью-Йорк.

И дальше эти миссионерские книги путешествовали по России. Случись утечка, я стал бы сыном узника. Телефон — главное орудие прослушки, считали подпольщики. Он живой. Он слушает даже с трубкой, положенной на рычаг. «Книга, книги» — были те ключевые сладкие и колючие слова, которые говорить не следовало.

Мне было пять, когда в Киеве арестовали мужа знакомой нашей семьи Ирины. Она приходила к нам с дочкой Ксенией. Серенькая, пугливая, зашуганная девочка с большими серьезными глазами. Ее папу посадили за книгу. Он барабанил на печатной машинке, и якобы в прослушиваемую через телефон квартиру пришли с обыском на этот звон клавиш.

В шесть лет я тоже принялся за книгу. Не потому, что хотел отправиться за решетку, — просто запретность манила. Я нарисовал разных священников, и монахов, и архиереев, пострадавших за времена советской власти. Эту книгу с неумелыми детскими каракулями и бородатыми лицами в колпаках клобуков у меня изъяли родители. Я длинную тетрадь не хотел им отдавать, прятал в пододе-